

ДОКУМЕНТЫ БУРЯТСКИХ СТЕПНЫХ ДУМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СИБИРИ В XIX в.

Исследуется проблема источниковедческой ценности архивных документов бурятских степных дум, органов самоуправления кочевых народов Сибири, созданных согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. Данная группа исторических источников рассматривается в контексте изучения административной политики Российской империи в Сибири. Автором проводится классификация документов этих органов и анализируется их место в административной структуре региона.

Ключевые слова: степные думы; архивы; административная политика; инородцы.

В фондах Национального архива Республики Бурятия (НАРБ) содержатся несколько десятков тысяч документов бурятских степных дум. Степные думы были созданы у кочевых сибирских народов (бурят, хакасов, части якутов) согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. в 1820-е гг. и явили собой высшую ступень в «инородческом» управлении. Являясь по своей сути органами самоуправления, они фактически были низовым уровнем административной системы империи применительно к инородцам (у русских крестьян аналогичную функцию выполняли волостные органы). На протяжении почти всего XIX в. посредством степных дум осуществлялось управление аборигенным населением Сибири. Наибольшее количество степных дум было создано у бурят – самого многочисленного из коренных сибирских народов. И именно на примере бурятских степных дум наиболее наглядно можно проследить эволюцию «инородческого» самоуправления в XIX в. В 1880–1890-е гг. степные думы были упразднены: их сменили более гибкие на взгляд властей административные единицы: инородные управы и родовые управления. Однако еще в XVIII в. появились аналогичные степным думам органы – степные конторы, которые сложились в процессе административной практики, но название «контора» не являлось специальным обозначением особого органа самоуправления, будучи обобщающим названием для всякого рода официальных учреждений. Приставка «степная» лишь обозначала ее специфику.

В процессе контактов с царской администрацией бурятские родоначальники были вынуждены вести отчетность по ясаку, администрация в свою очередь не имела возможности управлять многочисленными бурятскими родами непосредственно и была заинтересована в организации степного самоуправления. Следует отметить, что эти органы создавались на конкретным актом властей, а медленно эволюционировали из личных канцелярий бурятских родоначальников в официальный орган самоуправления. Изначально все проблемы решались устно, но впоследствии объем делопроизводства рос, бурятские роды начинают вступать в торговые отношения с русским населением, усложняется делопроизводственная отчетность. Примерно в середине XVIII в. степные конторы начинают нанимать русских писарей, которые вели все делопроизводство, выступая также в роли консультантов. Писарь подписывал договор, в котором четко оговаривались обязанности писаря, а также причитающееся ему жалованье. Все делопроизводство велось на русском языке [1].

Таким образом, к концу XVIII в. во всех бурятских степных конторах становится обязательным ведение

делопроизводства. В 1812 г. иркутский гражданский губернатор Трескин попытался упорядочить управление инородцами. Им было издано «Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и восстановление действия узаконений и правил по предметам иновещского и сельского управления». В этом положении были собраны с соответствующими комментариями все инструкции, касающиеся инородческого управления. Этот документ представляет собой первую попытку создания единого сводного акта по инородческому управлению. В нем затрагивались практически все стороны жизни инородцев. На первом месте стояли инструкции о раскладке и сборе ясака и земских повинностей, об организации управления и судопроизводства. Именно в этом документе впервые были оговорены некоторые правила отчетности бурятских степных контор [2]. Все административные распоряжения и указы губернской администрации и царского правительства, предписанные к обнародованию, направлялись и в степные конторы, даже те, которые ни коим образом не касались инородцев (например, объявление о создании «Священного союза») [3]. Фактически, в начале XIX в. круг полномочий внутриродового управления был максимально ограничен.

Важной вехой в развитии административной системы Сибири явились преобразования графа Сперанского. Одним из важнейших законов «Сибирского учреждения» был «Устав об управлении инородцев», изданный в 1822 г. Всеми исследователями отмечается, что «Устав» утвердил и упорядочил систему взаимоотношений между царской администрацией и сибирскими народами и закрепил юридический статус и права инородческого населения Сибири. В системе инородческого самоуправления были созданы три звена: родовые управления (объединяли жителей одного селения), инородные управы (несколько окрестных селений) и высшее звено – степные думы [4]. Степные конторы были реорганизованы в степные думы. Интересно, что в большинстве случаев среднее звено – инородные управы не создавались.

«Устав» Сперанского максимально учитывал особенности хозяйственно-культурного типа инородческого населения Сибири. Очень важно, что впервые юридически были закреплены права и обязанности инородцев, фактически на правах особого сословия. Степные думы, как уже говорилось, фактически становятся низовым уровнем административной системы империи. Несмотря на то, что согласно «Уставу» вмешательство царской администрации во внутренние дела родового «инородческого» управления должно было быть мак-

симально ограничено, почти все стороны жизни «инородцев» регламентировались распоряжениями чиновников окружного (окружные земские суды) и губернского уровня. Вполне естественно, что прежде всего государство стремилось к закреплению определенной структуры органов управления, плотно интегрированной в административную систему Сибири, правил и порядка выборов родоначальников, основ их деятельности. Естественно, что изначально администрация изъела из ведения «инородческих» органов серьезные уголовные дела, оставив в ведении «устных судов» мелкие дела по поводу воровства, драк и прочих незначительных правонарушений, за которые следовала лишь административная ответственность (арест в тюрьме при степной думе, наказание розгами, устное порицание). Но наряду с этими вопросами, которые в любом государстве с развитой системой законодательства являются прерогативой государства, сибирская генерал-губернаторская администрация уже в первой половине XIX в. (т.е. в тот период, когда положения «Устава об управлении инородцев» не вызывали серьезных претензий со стороны государственных деятелей и общественности, что в конце XIX в. и привело к пересмотру «Устава») пыталась регламентировать даже те стороны жизни «инородцев», которые казалось бы ни коим образом не задевали интересов администрации, например правила вступления в брак [2. Л. 37 об.], правила проведения шаманских обрядов [1. Л. 6], правила касающиеся рубки леса в бурятских ведомствах [5]. Между тем в исторической литературе бытует мнение о том, что кроме вопросов управления и сбора ясака, царская администрация фактически не вмешивалась во внутриведомственные дела сибирских народов, предоставляя бурятским нойонам неограниченные права в управлении родовичами [6–8]. Более справедлива оценка положений «Устава», данная Л.М. Дамешком: «Устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую» [9. С. 91]. То есть необходимо признать, что выстраивая новую административную схему управления «инородцами», царская администрация стремилась к более плотному закреплению их в управленческой структуре сибирских губерний, а значит и Российской империи. Это подтверждают и документы бурятских степных дум.

В огромном массиве документов степных дум (куда частично вошли и документы предшествовавших степных контор и более поздних инородных управ и инородческих волостей начала XX в.) можно изначально выделить две большие группы, работа с которыми требует дифференцированного подхода. Эти две группы выделяются по языку делопроизводства: большая часть дум использовала в делопроизводстве русский язык, а в Хоринской и Агинской степных думах почти все внутренние документы, регламентировавшие отношения на уровне степная дума – родовое управление, равно как и личные канцелярии должностных лиц – тайшей и зайсанов, велись на старомонгольской письменности [10, 11].

По всей видимости, в силу того, что ведомства хоринских бурят (территория современных Республики Бурятия и Забайкальского края) подверглись гораздо большему влиянию ламаизма, нежели остальные группы бурятского

населения Прибайкалья, старомонгольская письменность получила здесь широкое распространение.

Учитывая сложившуюся у забайкальских бурят семейную традицию обучения одного из детей в дацанах, недостатка в людях, знакомых со старомонгольской грамотой, не возникало. Однако, наряду с внутренним делопроизводством, все бурятские ведомства должны были сноситься и с русской администрацией, и в этом случае обязательным было и знание русской грамоты. Но в плане изучения внутренней структуры степных дум, порядка деятельности и взаимодействия с низовыми звеньями документы на старомонгольской письменности представляют несомненную ценность. Также необходимо отметить, что эти документы представляют особый интерес, поскольку в силу их специфики, к ним обращалось мало исследователей. Наиболее известный – Р.Е. Пубаев, исследователь обычного права хоринских бурят [12].

Большая часть дум использовала в делопроизводстве русский язык, для чего специальным приговором степной думы нанимался писарь (или, как его еще называли, письмоводитель), как правило, русский: лишь в конце XIX в. появляются буряты, владевшие в должной степени русской грамотой. Фонды Кудинской, Верхленской, Селенгинской, Балаганской, Кударинской, Аларской и Баргузинской содержат документы, составленные на русском языке. Исключения составляют тексты клятв, которые давали шуленги и тайши при назначении на должность: эти клятвы, графически выполненные кириллическим алфавитом, написаны на языке, который трудно определить. Некоторые фразы явно имеют бурятское происхождение, прочие же непонятны и, возможно, имеют тюркское происхождение [13. Л. 50–51].

Большинство исследователей работают именно с документами этих степных дум. В целом в этих фондах содержится информация, касающаяся всех сторон жизни бурятского населения начиная с 20-х гг. XIX в. и заканчивая началом XX в. В общем виде документы бурятских степных дум можно разделить на несколько групп, которые, будучи выделены, несомненно, условно, позволят более наглядно отразить общий спектр делопроизводственных документов бурятских степных дум: *в первую группу* следует включить переписку с земским начальством по поводу раскладки и сбора податей, ясака и земских повинностей, а также отчеты по ним перед земскими судами. Поскольку всеми исследователями признается тот факт, что изначально царская администрация преследовала в Сибири исключительно экономические интересы, то закономерно, что вопросы налогообложения традиционно ставились на первое место, но поскольку в XIX в. уплата ясака пушминой в бурятских ведомствах фактически не практиковалась, то следует сделать вывод, что у власти в этот период появляется несколько иная мотивация, выражавшаяся в стремлении вовлечь «инородцев» в единую хозяйственную систему региона. *Ко второй группе* следует отнести документы, фиксирующие раскладку земских повинностей, податей и ясака внутри степной думы по родам и родовым управлениям, т.е. фактически документы, принятые во исполнение предписаний вышестоящего начальства.

В третью группу документов можно выделить конкретные предписания начальства, распоряжения по конкретным делам, не касающимся общего порядка выплаты ясака и повинностей. Сюда же необходимо отнести те резолюции и объявления властей, не относящиеся напрямую к степному управлению, но предназначенные к рассылке во все органы местного управления империи (например, такие как разъяснения по поводу вопроса наследования Николаем I престола: поскольку официальным наследником был великий князь Константин, в степные думы изначально был разослан текст присяги Константину, которому буряты и присягнули, а впоследствии, после разъяснений, присягнули на верность уже императору Николаю I) [14. Л. 2–22]. То, что подобные объявления рассылались и в «иноподчиненные» ведомства, подтверждает тот факт, что «иноподчиненные», будучи подданными Российской империи, рассматривались властью фактически на тех же правах, что и русские крестьяне. Создание же особых органов управления «иноподчиненным» населением отражало их специфику, но ни коим образом не ставило целью административную изоляцию сибирских иноподчиненных – напротив, имперская административная практика XIX – начала XX в. проявляла тенденцию к унификации административной системы и полного подчинения «иноподчиненных» общеимперскому законодательству. К четвертой группе документов следует отнести те, которые касались состояния и развития хозяйства степных дум. Среди хозяйственных проблем «иноподчиненного» управления на первом месте стояли вопросы развития земледелия в иноподчиненных ведомствах. Вообще, проблема развития земледелия среди «иноподчиненных» рассматривалась как одна из стратегических задач государства, поскольку с переходом к оседлому образу жизни (наряду с принятием православия) связывалась русификация аборигенного населения Сибири [15]. Поскольку в XIX в. происходит интенсивное развитие земледелия в бурятских ведомствах [16], администрация прилагает большие усилия, поощрительными, а порой и принудительными мерами стимулируя этот процесс. Так, например, в 1817 г. Верховенский тайша Имяев был награжден за усердное размножение земледельцев серебряным кортиком [1]. Подобных примеров довольно много. Наряду с общими правилами развития земледелия в фондах степных дум также содержатся подробные отчеты о размерах земельных наделов и об урожаях в бурятских ведомствах, что позволяет представить полную картину состояния земледельческого хозяйства бурят в XIX в. Большое внимание уделяется также и развитию скотоводческого хозяйства, здесь на первом месте стоят вопросы борьбы с эпидемиями и падежами скота, а также учет поголовья [13. Л. 152–153]. В пятую группу следует отдельно выделить те документы, которые шли в обход «иноподчиненного» начальства и возвращались вышестоящим начальством в степные думы с требованием подробных разъяснений по этим делам: это жалобы и прошения иноподчиненных, связанные со злоупотреблением родовыми начальниками служебными полномочиями. К этой же группе следует отнести жалобы и прошения, исходившие от имени всего подведомственного степной думе

населения. Надо отметить, что подобные прошения имели место довольно часто. Поводом к жалобам становились как злоупотребления властью со стороны чиновников земских судов, так и отдельные решения и акты властей, затрагивавшие интересы «иноподчиненных». И, наконец, последнюю, шестую группу составляют документы, касающиеся непосредственного процесса формирования органов «иноподчиненного управления»: степных дум, иноподчиненных управ и родовых управлений. Как уже говорилось, «Устав» 1822 г. привнес новые принципы формирования органов самоуправления сибирских народов: принцип выборности должностных лиц и принцип коллегиальности, который был призван ограничить единоличную власть тайшей в бурятских ведомствах. В степных думах велись обязательные протоколы выборов должностных лиц, которые скреплялись подписями присутствовавших на заседаниях в степной думе и иноподчиненных управах – представителей родов [17. Л. 5].

Касательно достоверности этого рода источников у исследователей, как правило, сомнений не возникает. Между тем документы бурятских степных дум и степных контор являются наиболее важным историческим источником истории аборигенного населения Прибайкалья (бурят и эвенков). Как уже говорилось, широкий диапазон проблем, которыми занимались органы степного самоуправления вкупе с административной регламентацией важнейших сторон жизни «иноподчиненных», приводили к тому, что в делопроизводственных документах получили отражение все важнейшие процессы, протекавшие внутри «иноподчиненных» ведомств на протяжении XIX в. С этой стороны документы бурятских степных дум представляют несомненную историческую и этнографическую ценность. Поскольку ясаком, податями и земскими повинностями все сибирские аборигены облагались в этот период подушно (т.е. ни состояние хозяйства, ни количество земли не влияло на размер установленных платежей), в целом не вызывает сомнений, что статистические данные о населении и хозяйстве бурят достоверны. Именно с этой стороны документы степных дум и вызывают интерес исследователей. Однако особенный интерес представляет административная сторона их деятельности, прежде всего в контексте места и роли степных дум в системе административных органов окружного, губернского и генерал-губернаторского уровня. Особенно важен тот факт, что анализ деятельности степных дум и их взаимоотношений с вышестоящими органами государственной власти позволяют проследить методы административной политики в отношении «иноподчиненных» на низовом уровне. При рассмотрении этой проблемы в более масштабном общегосударственном аспекте, прежде всего при изучении важнейших реформ и законодательства, регламентировавшего порядок управления и юридический статус «иноподчиненных», из внимания часто упускается тот факт, что при реализации на местах положений государственных узаконений административная практика являла новые формы взаимоотношений, порой до неузнаваемости изменяя правила и установившиеся данные законодателем. Между тем необходимо признать, что изучение административной политики Российской империи требует комплексного подхода, и,

вычленения отдельно ее составляющие, невозможно однозначно делать выводы о ее направленности и эффективности. К сожалению, в большинстве исследований подобные подходы не имеют места. Вместе с тем у большинства исследователей не вызывает сомнений, что при изучении истории Сибири большое значение имеет регионально-управленческий подход (впервые сформулированный А.В. Ремневым), в рамках которого охватываются самые важные сферы имперской региональной политики: имперская идеология и имперская практика в региональном прочтении; установление как внешних, так и внутренних (административных границ региона); динамика управленческой организации внутрирегионального пространства (властная административно-территориальная и иерархическая структура регионального пространства, административные центры и их миграция) [18. С. 8]. Действительно, Российская империя в процессе своего исторического развития явила многообразие правовых, государственных, управленческих форм, и изучение этого многообразия позволит глубже понять сущность российской государственности. В изучении административной политики государства в отношении сибирских народов (а значит, и практической реализации национальной политики) также необходимо комплексное изучение отдельных вариантов, как конкретных региональных, так и имевших место в различные временные периоды. С этой позиции изучение документов бурятских степных дум

представляет особый научный интерес. Учитывая специфику прибайкальского региона, исторически разделяемого на Предбайкалье и Забайкалье, как региона пограничного (что нашло отражение и в некоторых законодательных актах [19–21]) и населенного самым многочисленным среди народов Сибири – бурятами, можно проследить общие тенденции в административной политике государства практически во всех аспектах. Несомненно, однако, и то, что в подобных исследованиях должны проводиться сравнительные параллели, т.е. должно уделяться значительное место компаративному анализу.

Таким образом, документы бурятских степных дум являются ценным историческим источником по изучению различных общественных отношений в бурятском обществе XIX – начала XX в. В рамках управленческих задач, получивших отражение в делопроизводственных документах степного управления, можно также проследить закономерности и общую направленность практической реализации административной и национальной политики Российской империи в отношении «инородческого» населения Сибири. Подобный подход, акцентирующий внимание и на местном уровне системы административного управления народами Сибири, в рамках системного регионально-управленческого подхода позволит выявить важнейшие направления административной политики государства в Сибири в ее историческом развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 460. Оп. 1. Д. 11.
2. НАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. 38, № 29126.
4. НАРБ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 127.
5. НАРБ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 24.
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882.
7. История БМАССР: В 2 т. / Под ред. А.П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951. Т. 1.
8. Бурятия: от степных дум к автономии / В.А. Демидов, В.В. Демидов. Новосибирск, 2001.
9. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2007.
10. НАРБ. Ф. 8.
11. НАРБ. Ф. 129.
12. Пубаев Р.Е. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск, 1992.
13. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76.
14. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.
15. НАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 571.
16. НАРБ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 125.
17. НАРБ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 40.
18. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004.
19. ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 3. № 1336 от 12 марта 1689 г.
20. ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 3. № 1474 от 30 августа 1693 г.
21. ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 4. № 1835 от 1 февраля 1701 г.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2010 г.